

РОКОВОЙ СОБЛАЗН

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

Глава 1

Солнце, море, запах лета и магнолий — это белый стих. И только женщина может вдохнуть в эти строки поэзию, вселить в них душу, придать смысл. И чем красивее женщина, тем романтичнее будет звучание этих строк. Игнат улыбнулся, глядя на девушек: одна другой краше, блондинка уже в купальнике, в обнимку с надувным матрасом, шатенка в сарафане с открытыми плечами. И обе свободны. Ни детей с ними, ни мужей, да и молоды они слишком для того, чтобы обзавестись семьей. Взгляды у них ищущие, но не алчущие, их манят романтические приключения, но никак не романы на стороне. Некому им еще изменять.

Судя по загару, обе девицы не первый день на отдыхе. Блондинка уже успела обгореть, краснота еще не совсем со-

шла. Шатенке повезло больше, загар у нее здоровый, с бронзовым оттенком. Кожа нежная, чистая, наверняка приятная на ощупь.

Игнат не стал ничего говорить, всего лишь смело улыбнулся, задержав на шатенке взгляд. Девушки заметно смутились, блондинка нахмурилась, заметив его взгляд, адресованный подружке. Видимо, девушка привыкла быть в центре внимания, а тут ее вдруг обошли стороной. Будет загорать на пляже и думать, что это за парень такой попался им. И на тропинку будет поглядывать, вдруг Игнат захочет спуститься к ней. А он спустится с горы на пляж, обязательно спустится. И кого-то выберет: или блондинку, или брюнетку. А может, еще кого-то. Впереди целые три недели отпуска, но ни одна ночь не должна пропасть даром. Гулять так гулять.

Девушки прошли мимо, а он свернул к дому, с южной, фасадной стороны закрытому беседкой, увитой виноградом. Две черешни, одна перед калиткой, другая за ней, во дворе. Игнат, помнится, обрывал черешню и с одного, и с другого дерева. Дядя Валя злился, все ходил жаловаться к его тетке. Ругались они, дядя Валя и тетя Витя, и не только из-за черешни, терпеть, казалось, друг друга не могли. И надо же, уже пару лет живут вместе.

Давно Игнат не гостил у своей тетки. В семнадцать лет в последний раз приезжал. В Хаба-

ровск его судьба забросила, на Дальний Восток, после армии там и остался, учился, четыре года работал, в полноценный отпуск смог вырваться только сейчас. Погостил пару недель дома у родителей, и теперь вот к тетке, на Черное море. Отдохнуть, погулять, пока молодой. И неженатый.

Он открывал калитку, а тетя Витя в это время выходила на крыльцо. Шестидесят лет женщине, но на бабушку она не похожа. Может, потому что внуков нет. А может, потому что молодится. И прическа у нее современная, и платье с длинными рукавами, и шляпа широкополая. Сколько помнил ее Игнат, она всегда побаивалась солнца. И сейчас, закрыв за собой дверь, тетя Витя первым делом надела шляпу. Только тогда и посмотрела по-хозяйски по сторонам. И взгляд у нее строгий, и выражение лица суровое, но глаза она не щурила, лоб не морщила, кожу берегла. Увидев Игната, обрадовалась, широко улыбнулась и поспешила к нему навстречу.

— Игнат, ну что же ты? Почему телеграмму не дал, мы бы встретили!

Как ни старалась тетя Витя выглядеть молодо, а годы все-таки взяли свое. Не растолстела она, не осунулась, выглядела такой же стройной и бодрой, как раньше. А лицо все же постарело, морщины на лбу, вокруг глаз. И все же для своих лет она выглядела прекрасно. И пахло от нее «Красной Москвой», но никак не огородом, соленой про-

женной солнцем землей. Мама у Игната — женщина городская, на четырнадцать лет младше тети Вити, а выглядит не лучше.

— Да я належке! — Игнат бросил на землю дорожно-спортивную сумку.

— Игнат!

Тетя Витя обняла его, какое-то время стояла, прижавшись и что-то с улыбкой вспоминая. Отстранилась, отошла на шаг и окинула взглядом.

— Красавец!.. Сколько ж лет тебя ждали?

Не зря Игнат жил у тети Вити столько лет, он тоже любил пофорсить. И прибарахлиться в дорогу возможность имелась. Фирменные джинсы, кроссовки, черная рубашка из натурального шелка. Верхние пуговицы расстегнуты, цепочка золотая на солнце поблескивает. Звенья крупные, вещь, одним словом.

— Девять, мама Вика!

Тетей Витей Викторию Максимовну называл только Игнат. А так принято было величать ее мамой Викой. Не получилось у тети Вити родить ребенка, бездетная она, а ей так хотелось стать матерью. Потому и к Игнату она относилась как к родному сыну. И просила называть ее мамой. Начиная с пяти лет он каждое лето гостил у нее, целую жизнь, считай, у моря провел.

— Что ж ты так?

— Да работа! Отпуск только зимой! И то всего два раза!

— И что ж за работа такая? — хитро сощурилась тетя.

— Север, мама Вика, север!

Удивительное дело, к северу Хабаровск имел такое же отношение, как Северный Кавказ, но тем не менее. Скажешь, что на Дальнем Востоке работал, никто ничего не понимает, а если на севере зашибал, то никаких вопросов. Но тетя Витя лишь лукаво усмехнулась.

— Ну, понятно!..

Она смотрела на Игната, как будто он на северах мотал срок, только что откинулся и теперь вот на юга пожаловал. Но ничего страшного тетя в том не видела. Она и сама в свое время привлекалась, и муж ее первый сидел. Мало того, тетя Витя всерьез считала, что лучше быть уголовником, чем служить в органах. Во всяком случае, Игнат слышал от нее такие рассуждения.

— Как вол пахал, пора немного отдохнуть, — улыбнулся Игнат.

Не собирался он разубеждать тетю Витю. Да и зачем, если у нее нормальное отношение к блатной романтике, которой он действительно сыт по горло.

— Заработал много. А то если дом строить будешь, с участком могу помочь. — Тетя Витя с иронией смотрела на него.

Ну какой может быть дом, когда на зоне много не зарабатываешь?

— Да я бы с удовольствием, — широко улыбнулся Игнат.

Построить дом в поселке Морячок — его мечта, осуществление которой отложено до поры до времени.

— Ну тогда или дом строй, или жди, пока мои дома тебе достанутся... — Тетя Витя кивком указала на свои два дома, один за другим расположенные по соседству.

В одном доме она жила с рождения, с родителями, с младшей сестрой. Тете Вите было шестнадцать, когда не стало родителей, она сама тянула на себе сестру, которая уехала в город, едва ей исполнилось пятнадцать. Уехала в Ростов учиться и устраивать жизнь, а через пять лет стала мамой Игната. А тетя Витя осталась жить в поселке у моря. Вышла замуж, развелась. Снова вышла — на этот раз за соседа, который был лет на двадцать старше нее. Второй муж умер, его дом отошел ей. Дядя Валя, помнится, спьяну орал на всю улицу, что тетя Витя отравила мужа. Как кошка с собакой они тогда жили. И надо же. Тетя Витя и дядя Валя живут вместе. Возможно, душа в душу. А ведь он сам лет на пять младше нее.

— Но, учти, я помирать не собираюсь! Лет сорок еще поживу!

— Сорок мало, давайте сто! — засмеялся Игнат.

Из наследников у тети Вити только он один. А дома хорошие, один блочный, другой кирпич-

ный. И оба дома тетя Витя сдавала курортникам. Раньше один дом сдавала, а сейчас оба. Этим и жила.

— Я и на двести согласна, — улыбнулась тетя Витя. — Так никто ж не спросит!.. Ох, что ж это мы стоим-то?

Всплеснув руками, тетя Витя схватила сумку и понесла ее к дому — через двор, мимо крыльца. Игнат и хотел отобрать у нее ношу, но не смог донести. Шустрая она женщина, настоящий метеор.

— А мне Люба звонит, ты, говорит, возвращаешься. Жди! Я комнату приготовила!

Сколько помнил Игнат, дядя Валя занимался виноградарством, и двор у него под навесом из изабеллы, и вокруг дома тенистые беседки. А в огороде целые ряды виноградной лозы, там в основном белые сорта. За черешню дядя Валя мог отрубить, а за виноград убить, Игнат это даже в детстве четко понимал. Поэтому за виноградом в соседский двор не лазил. Да и зачем, когда сразу за дорогой начинались виноградные поля, от моря до самых гор. У дяди Вали погреб особенный, там, говорят, бочки стоят, в которых он томил вино. Таинство, покрытое мраком, но сейчас у Игната появилась возможность заглянуть в этот погреб. Одна дверь с южного торца здания вела в комнату, которую тетя Витя подготовила для него. А через другую можно было попасть в подвал, вход этот охранял большой амбарный замок, но Игнат знал

как минимум три способа, чтобы взломать такую преграду. Замки для него не помеха. Только вот не полезет он в винный погреб. Зачем?..

Солнце в зените, южная сторона дома под жарким огнем, но в комнате на удивление прохладно. И виноградные навесы хорошо защищают, и оба окна открыты — южное и восточное, сквозняк отлично проветривает помещение. И комната очень даже ничего: свежие обои на стенах, полы недавно покрашены, шифоньер лакированный отливает отраженным светом, деревянная кровать-кушетка с мягким матрасом. Подушка в накрахмаленной наволочке стоит петушиным гребнем. Но Игнат, хоть и устал с дороги, ложиться не будет. Уж лучше на море сгоняет, тут недалеко. По тропинке вниз к реке, затем короткий, но крутой подъем, снова спуск, и пожалуйста, пляж — покатые камушки. Дно неровное, каменистое, скользкое, зато сразу же глубоко. Там валун крупный в воде, посуху зайти можно, с него хоть «бомбочкой», хоть «ласточкой», хоть кувырком. За девять лет там точно ничего не изменилось. И за девять веков не изменится.

— Давай располагайся. Можешь душ принять.

— А еще что можно? — с намеком улыбнулся Игнат.

— И девушек можно! — погрозив парню пальчиком, засмеялась тетушка. — Если осторожно... Тут за шкафом дверь, все слышно.

— А мы тихо!

— Да нет, это вам будет громко!.. Давай устравивайся! А я пока с обходом. — Тетя Витя кивнула в сторону своих законных владений.

Два дома там, битком набитые жильцами, живыми, можно сказать, деньгами. Пляж здесь отличный, до поселка рукой подать, через мост перейти. Виноградная улица — окраина поселка, или просто отшиб, именно так и называлось это местечко — в девять домов на одной линии у моря. И почти во всех домах курортники. А можно и на поселковый пляж сходить, там народу куда больше. И смазливых девчонок, соответственно. Впрочем, две цыпы в прицел уже попали, далеко ходить не надо, можно прямо сейчас начинать отстрел.

— А вернусь, сразу тебя покормлю. Окрошка, колбаска, все как ты любишь.

— Люблю, — улыбнулся Игнат.

Тетя Витя глянула грустно на него, хотела что-то спросить, но ничего не спросила и вышла из комнаты. Вроде бы и хотела поинтересоваться, как их там, в зоне, кормили, но выглядел Игнат неплохо, точно не похож на голодающего. А кормить хорошо в местах не столь отдаленных не могут. Там человек страдать должен, а не жировать.

— О-о, Лия! — послышал за дверью возглас.

— Да я смотрю, калитка открыта!

Игнат узнал знакомый голос, выглянул в окно, которое выходило во двор, и увидел Лию, подружку дней своих незрелых. Она на два года его младше, сейчас ей двадцать четыре. Уже не юная, но молодая и красивая. Волосы светлые от природы, слегка выгоревшие на солнце, пышная прическа до плеч, темные брови, длинные густые ресницы. И рот у нее широкий, но вовсе не безобразный, как раз наоборот, чувственно красивый. И губы полные, четко очерченные. А взгляд у Лии как привет из глубины целого мира, в который вдруг захотелось переместиться и даже поселиться в нем.

Но пока что сама Лия выселяла кого-то из среды своего обитания.

— У вас комнаты свободной не найдется? — улыбаясь, спросила девушка. — А то у нас уже все занято, а постоялец просится.

Улыбка у нее светлая, как луч солнца. Но луч этот не в ясный день, а в пасмурную погоду. Не видел Игнат прежней наивности во взгляде Лии, чистоты помыслов и телесной невинности. Зато видел золотой зуб в переднем верхнем ряду. Девять лет они не виделись, за это время Лия могла и замуж выйти, и детей родить. Да и за косы жизнь могла потаскать, и в грязь лицом ударить... Но красивая девка, стройная, грудь высокая, упругая. Платье на ней с тонкими бретельками, плечи от-

крыты, видно, что лифчика под ним нет. Бедро не узкие, но и не широкие, тугие; ноги длинные, но это Игнат и раньше замечал. А вот размером груди Лия в пятнадцать лет похвастать не могла, доска два соска — так ее однажды назвал Давид. И еще спросил, зачем она лифчик носит?..

— Да есть комната, есть, — немного подумав, сказала тетя Витя.

Она взяла Лию под руку, разворачивая ее лицом к калитке. Лия скользнула взглядом по окну, в которое смотрел Игнат, увидела его. И ее брови удивленно взметнулись вверх.

А Игнат даже не шелохнулся, стоял, как будто в ступор впал. Он ведь и раньше до женского полу охоч был, ходил с друзьями по набережной, снимал девчонок, Лия же и близко не входила в зону его романтических интересов. Соседка, подружка, кто угодно, но только не любимая девушка. А вот сейчас Игнат стоял и смотрел на Лию чуть ли не с открытым ртом.

Лия заметно смутилась, но улыбка не сошла с ее лица, напротив, стала светлей, взгляд ожил, повеселел. Она помахала ему рукой, только тогда Игнат очнулся и вышел к ней. Их разделяло всего двадцать шагов, если в обход — через дверь.

— Узнал? — весело спросила тетя Витя у парня.

— Да узнал! — кивнул Игнат.

Он ведь рубаха-парень, Лия помнила это его амплуа. И сейчас он просто обязан подтвердить свою репутацию. Это совсем не трудно. Хотя и боязно...

— Привет!

Он шел, мягко надвигаясь на девушку, плавно притормозил и обнял Лию, практически не касаясь ее. И щеки коснулся губами легко, при этом будто получил разряд тока.

— Привет! — Лия нежно провела рукой по короткому рукаву его рубашки и посмотрела прямо в глаза — мягко и замороженно.

— Пойдем? — спросил Игнат, хитро и беззастенчиво глядя на нее.

— Куда? — Лия спрашивала и у него, и у себя.

Ей и самой хотелось знать, готова ли она броситься в омут с головой? У нее своя жизнь, Игнат всего лишь метеорит в небе — вспыхнет, пролетит и погаснет.

— На камень.

А куда он мог ее позвать, если не на море? Во-первых, он как раз собирался туда. Во-вторых, от Лии головокружительно пахло морем и водорослями, высушенными соленым ветром. И не хотел бы, все равно потянуло бы на пляж.

— Сейчас?

— Ну, можно и ночью.

— Так, я пойду! — Тетя Витя шумно хлопнула себя ладонями по бедрам. — Где там ваш посто-

ялец? — спросила она и, не дожидаясь ответа, направилась к калитке, за которой стояла полная женщина в пышных завитушках на голове и тощий мужик в панамке и почему-то с сачком.

— Я сейчас, — не сводя с Игната глаз, сказала Лия.

— Идем?

— Идем! — кивнула она.

И, поворачиваясь к нему спиной, вскинула правую руку, растопырив пальцы. Она просила пять минут. Ну так и ему нужно надеть плавки.

Лия появилась минут через десять, в том же платье, но в купальнике под ним.

— Извини, опоздала, — улыбнулась она.

— Не знаю, не засекал.

— А внутренние часы?

— Остановил. На время отпуска.

— И надолго... — Лия запнулась. — В отпуск?

Игнат незаметно усмехнулся. Уж не тетя ли наговорила ей, пока устраивали постояльцев? Отмотал срок племянник, откинулся, жизнь новую начинает. Уголовное прошлое в этих местах точно не клеймо, хотя и не путевка в жизнь.

— Надолго. Если совсем отменить время.

— Давай попробуем!

По тропинке вдоль заборов они вышли к обрыву над рекой, тропинка здесь резко уходила вниз и в сторону. Игнат помнил здесь каждый камушек, каждый поворот, но и Лия знала эту до-

рогу наизусть. Он подал ей руку, она кивнула, соглашаясь принять помощь, но спустилась, даже не прикоснувшись к нему.

— А Давид тоже недавно вернулся, — сказала она.

Игнат подозрительно глянул на девушку. С чего это вдруг она заговорила о Давиде? Почему именно сейчас, когда он подал ей руку?

— И как он?

Давид жил по соседству с Лией, в прошлом они терпеть друг друга не могли, постоянно выясняли отношения. Но Игнат уехал, а Давид остался. И как там у них отношения сложились, только им известно. Тетя Витя с дядей Валею тоже собачились, и ничего, живут душа в душу.

О Давиде Игнат знал только одно: шесть лет назад парень влетел за ограбление и получил срок. Связался, что называется, с плохой компанией.

— Да хорошо, — пожала плечами Лия.

Они спустились к реке, дальше тропинка тянулась вдоль берега — к морю. Но можно было свернуть и в другую сторону, там тоже пролегал тропинка. И пышные кущи — ива, ольха, орешник.

Лия улыбнулась, вспомнив что-то не очень для себя веселое. Вроде бы и прикол, но вспоминать почему-то не хочется. Игнат тоже вспомнил. Фифа одна у тетки в доме отдыхала, ходила, задницей здесь вертела. А Игнат уже взрослый,